

**Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО**

*Православное наследие как источник
духовного и
общественного развития России*

**Материалы XXII-ых Духовно-исторических чтений памяти
святых равноапостольных Кирилла и Мефодия**

Томск – 2013

**ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ РОЛЬ В САМООПРЕДЕЛЕНИИ
ЛИЧНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)**

А.Н. Кошечко

*Томский государственный педагогический университет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет*

Ценности являются основой субъектного отношения человека к миру, а потому всегда насыщены индивидуальными смыслами и их носителем всегда является живой, конкретный человек. Поэтому работа с ценностями подразумевает не только определение (собственно понятийный уровень, который при развитии современной информационной культуры не представляет существенных трудностей), но и оценку (нравственный уровень), которая отвечает на следующие вопросы: «Что значит для меня, моего внутреннего мира данное понятие? В какие моменты происходит его актуализация? Что данное понятие помогает мне осмыслить?» Ценность осуществляет преобразующую миссию: в процессе ценностного самоопределения человека она выводит его на качественно новую метапозицию по отношению к самому себе и миру, она сохраняет в сознании историю развития внутреннего мира личности, а потому создает положительные предпосылки для дальнейшего духовного развития и самосовершенствования.

Ведущую роль в этом процессе, как нам представляется, играет русская литература, в которой этот процесс выработки, осмысления и освоения ценностей закреплен в системе духовных императивов.

В качестве примера обратимся к творчеству Достоевского. По замечанию Б.Г. Реизова, «писатель прошедших эпох "присутствует" среди нас, если активно участвует в современной культуре, вторгается в мысль новых поколений и затрагивает проблемы, стоящие на очереди дня»¹. Думается, что этим и определяется актуальность творчества Ф.М. Достоевского для современной культуры. Его обращение к духовным императивам русской культуры происходит в пореформенную эпоху, одну из самых «роковых минут» отечественной истории, когда привычные, веками устоявшиеся ценностные орбиты смещены или разрушены, когда мир находится в ситуации постоянного, не поддающегося созерцанию и рефлексии движению, и духовный, нравственный вектор этого движения не определен.

---

¹ Реизов, Б. Г. Сравнительное изучение литературы // Вопросы методологии литературоведения. М., Л.: Наука, 1966. С. 198.

По сути, в современной отечественной литературе и публицистике мы не найдем анализа современной ситуации в той мере, как это применительно к своей эпохе сделал Достоевский. Но мы можем, ориентируясь на аксиологический потенциал творчества писателя, понять свою эпоху, самих себя и выстроить систему ценностно-ориентированного обучения и воспитания школьников, которая, как нам представляется, является стратегической задачей номер один для современного образования и вопросом национальной безопасности, по большому счету. Профессор Ф.З. Канунова в работе «Некоторые проблемы преподавания творчества Ф.М. Достоевского (общий курс по истории русской литературы XIX в. /III часть/)» замечает по этому поводу: «Сейчас, когда мы обрели свободу, которая при отсутствии морали способна раздавить нас, когда бездумное разрушение всех возможных систем запрета распахнуло ворота России перед нашествием пошлости и криминала, когда насилие перестало быть невероятностью, горьким исключением и в определенной мере превратилось в философию жизни, когда каждодневное сообщение о насильственной смерти уподобляется прогнозу погоды, высокие нравственные проблемы творчества Достоевского обрели статус коренных жизненных проблем сегодняшней действительности, без разрешения которых жизнь страны невозможна»².

Одной из ведущих художественных задач Достоевского в «Дневнике писателя» становится поиск способов художественного осмысления новых, непонятных, пугающих событий, изображение «русского хаоса». Еще в веке XIX, сохраняющем идею непрерывности православного, духовно-нравственного способа существования личности в мире, Достоевский в «Дневнике писателя» показывает ужасы бытия нового, атеистического по своей природе, сознания и предупреждает о разрушительных перспективах его осуществления в обезбоженно-обездушенном мире. В эпоху 1860–1870-х гг. происходит разрушение духовных ценностей, самовольный отказ человека от сдерживающих пределов (Бог, мораль), дезориентация сознания, обесмысливание жизни, которое неминуемо ведет к саморазрушению человека: «делали подлое, но знали, что делают подлое, а что есть хорошее; теперь же не веруют в хорошее и даже в необходимость его»³ (т. 21, с. 101); «внутренний дух..., внутренняя вековая правда... – пошатнулись вместе с заша-

---

² Канунова Ф.З. Некоторые проблемы преподавания творчества Ф.М. Достоевского (общий курс по истории русской литературы XIX в. /III часть/) // Достоевский и время: Сб. статей. / Ред. Е.Г. Новиковой, А.А. Казакова. Томск: Издательство ТГУ, 2004. С. 16.

³ Ссылки на «Дневник писателя» Достоевского даются в тексте работы в круглых скобках с указанием тома и страницы по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л. Наука. Ленинградское отделение, 1972–1986.

тавшимися людьми» (т. 21, с. 100). Пореформенная эпоха осмысливается Достоевским как ситуация кризиса, в которой доминирующими становятся процессы криминализации (превращения человека в преступника) и виктимизации (превращения человека в жертву).

Достоевский говорит не только об отдельных судьбах, он выводит своеобразную закономерность эпохи 1860–1870-х годов, породившей особый тип «эпохального характера» (Л.Я. Гинзбург) – «пожертвованное поколение»: «лица, погибшие чуть не с детства», «таких "несчастливых" на Руси у нас сколько хотите, все деревни полны, бездна. Верность этого изображения заставит человека с сердцем и смотрящего в наше будущее сознательно – ужаснуться» (т. 21, с. 98). Исследуя генезис этого психологического типа, писатель приходит к выводу, что его появление связано с катастрофическими последствиями реформы 1861 года: «эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажность – не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились» (т. 21, с. 96-97). Возникновение «нового рабства» связано с сознательным отказом человека от своей свободы, своей личности ради материальной выгоды, ради простого и удобного существования: «все "ослабели"; ожирели сердца; всем хочется сладенького, материальной выгоды. Все рабы уже по существу своему и даже представить не могут себе, как это можно решить для правды, а не для собственной выгоды» (т. 21, с. 100-101). По сути, если проводить аналогию с современной ситуацией, писатель вполне отчетливо создает в «Дневнике писателя» образ общества потребления на этапе его становления и оформления в отчетливую ценностно-мировоззренческую структуру.

Итоговым уровнем обобщения становится представление Достоевского о народе как жертве пореформенной эпохи: «Экономическое и нравственное состояние народа по освобождении от крепостного ига – ужасно. <...> Падение нравственности, дешевка, жиды-кабатчики, воровство и дневной разбой – всё это несомненные факты, и всё растет, растет» (т. 21, с. 30). «Пограничная ситуация», по мысли Достоевского, проходит через судьбы не только отдельных личностей, но и русской нации в целом: разрушается нравственная система координат, сознательно уничтожается личностное начало, доминанты национального менталитета. Причем катастрофичность и необратимость последствий приобретает зримые черты социального катаклизма.

Достоевский изображает в «Дневнике писателя» семьи, утрачивающие внутренние связи, внешнюю и внутреннюю стабильность, поднимает проблемы утраты традиционных представлений о ценности семьи, религии, этических общечеловеческих норм: «У нас есть бесспорно жизнь разлагающаяся. И семейство, стало быть, разлагающееся» (т. 25, с. 35). Актуальным для нас наблюдением Достоевского является указание на то, что христианские доминанты воспитания духовной личности в пореформенную эпоху разрушаются не спонтанно и стихийно, а систематически и планомерно через разрушение духовных оснований семьи: «если с самого первого детства своего эти дети встречали в семействах своих один лишь цинизм, высокомерное и равнодушное <...> отрицание; если слово "отечество" произносилось перед ними не иначе как с насмешливой складкой <...>; если великодушнейшие из отцов и воспитателей их твердили им лишь об идеях "общечеловеческих"; *если еще в детстве прогоняли их няnek за то, что те над колыбельками их читали "Богородицу"*, – то скажите: что можно требовать от этих детей? (курсив мой – А.К.)» (т. 21, с. 135).

Но Достоевский в «Дневнике писателя» не только отчетливо показывает кризисное, «ломающееся» сознание, фиксирует процессы развоплощения и саморазрушения, он пытается выстроить систему духовных противовесов, найти то «ядро», которое составляет неистребимую основу бытия и позволяет в «мировом вихре» сохранить «образ человека, образ народа и образ человечества для высшей творческой жизни»⁴.

По мысли Достоевского, ведущими в этой системе императивов являются Бог, народ и семья.

1. Бог, икона. В первую очередь, писатель стремится восстановить в генетической и нравственной памяти людей Божий лик, поскольку мир без Бога, по Достоевскому, неминуемо превращается в мир без человека. Бога для писателя является воплощением идеала, возможности преодоления кризиса сознания через со-бытие с Другими, через отказ от разрушительных устремлений собственного «Я». Непосредственное общение человека с Богом определяет логику духовного развития личности: от самопознания к богопознанию, которое предполагает соблюдение двух важнейших принципов – человеколюбия и самопожертвования. По Достоевскому, отдача своего «Я» «всем и каждому безраздельно и беззаветно» – единственно допустимый вариант жертвы, «высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности». Способность на самопожертвование определяется любовью к человечеству, верой в наличие будущей, райской жизни, пониманием страданий других людей и переживанием их как своих собственных. Но возможно все это только при условии веры в Бога, в бессмертие человеческой души. Как бы не сдвигались «межевые знаки», какими бы проблематичными не становились представления людей «пореформенной» эпохи о добре и зле, истине и лжи, эта вертикаль для писателя остается неизменной и текстуально манифестируется в отношении писателя к ценностям православной культуры. В частности, к иконе, которая является зримым воплощением сути православия: «В иконе Церковь видит не какой-либо один аспект православного вероучения, а выражение православия в его целом, православия как такового. Поэтому ни понять, ни объяснить церковное искусство вне Церкви и ее жизни невозможно. Икона, как образ священный, есть одно из проявлений Церковного Предания, наравне с Преданием записанным и Преданием устным. Почитание икон Спасителя, Богоматери, ангелов и святых есть догмат христианской веры, сформулированный Седьмым Вселенским Собором, – догмат, который вытекает из основного исповедания Церкви – вочеловечения Сына Божия. Его икона является свидетельством истинного, а

---

⁴ Бердяев Н.А. Кризис искусства. М.: Изд-во Лемана и С.И. Сахарова, 1918. С. 22–23

не призрачного Его воплощения»⁵. Для Достоевского как человека верующего собственно эстетическое начало иконы целиком подчинено ее религиозному значению. Более того, различные высказывания Достоевского об иконах и иконопочитании позволяют говорить о его богословской подготовленности⁶.

2. Народ. Достоевский выводит нравственные начала личности не только из обращения ее к Христу (хотя это для него очень важно), но и из самой природы человека, а также из национальных и культурных традиций, из структуры сознания, сложившегося в течение всей национальной жизни. По мысли писателя, преодоление «искуса индивидуальности», выход из абсурда «пограничной ситуации», возможность нравственного спасения связаны с народной верой, христианской сущностью устоев народа. В «Дневнике писателя» русский народ определяется как народ-богоносец, носитель подлинной православной веры и мощного этического императива, способного восстановить духовную структуру личности, вынужденной существовать в эпоху катаклизмов и потрясений. Восстановление личности невозможно без восстановления в себе образа Божия, «сияющей личности самого Христа», который для Достоевского является источником «чудотворной красоты», духовной жизненной силы и нравственности: «Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит его в своем сердце искони. В этом нет никакого сомнения. Как возможно истинное представление Христа без учения о вере? Это другой вопрос. Но сердечное знание Христа и истинное представление о нем существует вполне. Оно передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ Его по-своему, то есть до страдания. Названием же православного, то есть истиннее всех исповедующего Христа, он гордится более всего» (Т. 21, С. 38).

3. Семья для Достоевского – духовно-нравственный, ценностный императив, который неотделим в сознании Достоевского от идеи народа, идеи восстановления распавшихся связей.

В «Дневнике писателя» представлен целый спектр перипетий семейной жизни, истории разложения современных автору семейств. Смысл такой концентрации фактов состоит в выявлении несоответствия происходящего в реальной жизни и того, что должно существовать: «Я ищу святых, я люблю их, мое сердце их жаждет, потому что я так создан, что не могу жить без святых» (т. 22, с. 73). По мысли Достоевско-

---

⁵ Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви. «Паломник», 2001. С. 5.

⁶ Лепахин В. Икона в творчестве Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. М., 2000. Т. 15. С. 237–263.

го, разрушение семьи является признаком абсурдного мира, в котором, тем не менее, ее восстановление **возможно**, поскольку семья является малой Церковью: «союз мужчины и женщины в Священном Писании всегда сравнивается с союзом Христа и Церкви. Так должен любить муж жену, как Христос возлюбил Церковь. Высочайшее духовное предназначение этого союза подтверждается тем, что благодать объединяет двух людей в единую плоть. То же происходит и в Церкви, где люди объединяются Духом Святым, плотью и кровью Христовыми в единое тело Христово. Поэтому мы и говорим о семье как о малой Церкви. Это союз людей, которые в семье живут благодатью, христианскими идеалами и церковной жизнью»⁷. Достоевский, в данном случае, говорит не о внешнем, социальном переустройстве, а о восстановлении внутреннего, «нравственного порядка», духовных основ построения и жизни семьи, в которой важно четкое следование каждого из членов семьи своим функциям: у отцов это воспитание, у детей – послушание и почитание родителей. Отсюда высокая степень ответственности у тех, кто воспитывает и чему учит: «воспитывать – это питать и душу, и плоть, и дух. Дух питает душу, душа преображает плоть»⁸.

Выработке идеального вектора развития семьи в «Дневнике писателя» способствует трактовка феномена традиционной семьи как «охраняющего начала», как **этического пространства, в котором царит любовь**.

Из идеи семьи как явления русской жизни выстраивается, в том числе, положительная программа преодоления духовного кризиса человечества. Семья в «Дневнике писателя» выступает как способ противостояния крушению разобщающегося мира: она выстаивает в сложные периоды за счет патриархальных ценностей, стабильности, укорененности в прошлом.

Восстановление семьи должно начинаться, по мысли Достоевского, с восстановления роли отца, восстановления утраченных связей между отцами и детьми: «Их маленькие детские души требуют непрерывного и неустанного соприкосновения с вашими родительскими душами, требуют, чтобы вы были для них <...> всегда духовно на горе, как предмет любви, великого нелицемерного уважения и прекрасного подражания. Наука наукой, а отец перед детьми всегда должен быть как бы добрым, наглядным примером всего того нравственного вывода, который умы и сердца их могут почерпнуть из науки» (т. 25, с. 189-190).

Семья, по Достоевскому, дается свыше только как высшая святая идея, в естественном же бытовании она «созидается»: «Семья ведь тоже *созидается* (здесь и далее курсив мой – А.К.), а не дается готовою, и

---

⁷ Игумен Георгий (Шестун). Православная семья. Самара: ОАО «Издательство "Самарский Дом печати"», 2007. С. 26.

⁸ Там же. С. 11.

никаких прав и никаких обязанностей не дается тут готовыми, а все они сами собою, одно из другого вытекают. Тогда только это и крепко, тогда только это и свято. *Созидается же семья неустанным трудом любви*» (т. 22, с. 70).

Эта позиция соответствует собственным убеждениям Достоевского и отражает укорененность его позиции в ценностях православной культуры: «Человек предназначен от сотворения своего жить семейной жизнью для того, чтобы растить детей. Семья – то средство спасения, без которого большинство людей, живущих на земле, целомудренно провести свою жизнь не могут. Семья для православного человека – особый, спасительный ковчег. Мы говорим, что Церковь – это новый Ноев ковчег, а ведь семья – малая Церковь и поэтому тоже спасительный ковчег для человека, охраняющий от греха. В этом благодатном союзе появляется новая жизнь – ребенок, который, с точки зрения Православия, есть дар Божий и Его благословение»⁹. Поэтому, как полагает Достоевский, «отцы» «не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с ними. *Они очеловечивают нашу душу одним только появлением между нами* (курсив мой – А.К.)» (т. 22, с. 68-69).

Можно с уверенностью сказать, что ценностный опыт Достоевского как одного из выдающихся представителей русской литературы, оказывается значимым для современной, по мнению многих исследователей, «постапокалиптической» эпохи, для которой путь восстановления духовных первооснов равнозначен пути сохранения человечества и человеческой культуры. В созданном писателем ансамбле духовных императивов центральное место занимают образ Христа как воплощение непосредственного Богообщения, способного восстановить и преобразить человека является одним из высших абсолютов, обеспечивающих ценностный противовес абсурду и дающих личности возможность преодоление «искуса индивидуальности», выбора альтернативного пути в ситуации духовного кризиса, народ и семья.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л. Наука. Ленинградское отделение, 1972–1986.
2. Реизов Б.Г. Сравнительное изучение литературы // Вопросы методологии литературоведения. М., Л.: Наука, 1966.
3. Канунова Ф.З. Некоторые проблемы преподавания творчества Ф.М. Достоевского (общий курс по истории русской литературы XIX в.

---

⁹ Игумен Георгий (Шестун). Православная семья. Самара: ОАО «Издательство "Самарский Дом печати"», 2007. С. 19.

/III часть/) // Достоевский и время: Сб. статей. / Ред. Е.Г. Новиковой, А.А. Казакова. Томск: Издательство ТГУ, 2004.

4. Бердяев Н.А. Кризис искусства. М.: Изд-во Лемана и С.И. Сахарова, 1918.

5. Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви. «Паломник», 2001.

6. Лепяхин В. Икона в творчестве Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. М., 2000. Т. 15. С. 237-263.

7. Игумен Георгий (Шестун). Православная семья. Самара: ОАО «Издательство "Самарский Дом печати"», 2007.